

ПРЕДСТАВЛЯТЬ любителям песни народную артистку РСФСР Ольгу Воронец нет нужды — ее богатый, красивый голос хорошо знаком во всех уголках нашей страны. Сегодня Ольга Борисовна отвечает на вопросы нашего корреспондента.

— Ольга Борисовна, вы сами пришли к песне или...

— Или. Если вы про чье-то влияние. Я рано приобщилась к музыке, песне. И в этом нет ничего удивительного: я родилась в семье музыкантов. Моя мама была пианисткой и певицей Смоленской филармонии, у нее было очень красивое меццо-сопрано. Мама — мой первый учитель и аккомпаниатор. Папа тоже был певцом, солистом радио. А после войны пел в ансамбле имени Александрова. В нашем доме всегда звучали арии, романсы, песни...

— А свое первое профессиональное выступление помните?

— Еще бы! Меня приняли в эстрадный ансамбль Центрального клуба милиции, и первое выступление состоялось на сцене Театра на Таганке. Волновалась ужасно, все мечтала, чтобы отменили концерт. Не отменили. Спела. А когда уходила со сцены, наткнулась на пианино. Ничего не соображая и не видя вокруг себя, повернулась — и снова передо мной оказалось пианино. Вновь повернулась и — просто на-

карту страны: нет, оказывается, далеко не везде.

— А за рубежом?

— Наберитесь терпения. ГДР, Болгария, Монголия, Румыния, Польша, Венгрия, Югославия, Франция, Голландия, Финляндия, Дания, Япония, где, к слову сказать, проявляют огромный интерес к русской народной песне, там даже существует хор русских песен. Не устали? Тогда «поехали» дальше. Много раз гастролировала по странам Африки. Запомнились полугодовые гастроли в странах Латинской Америки. Была даже на острове Святого Маврикия.

— И всегда пели на русском языке?

— Нет. Например, выступая в Африке, часто пела на государственном языке страны. А в одной из стран оказалось два государственных языка, — пела на обоих.

— Как воспринимают зарубежные зрители русскую народную песню?

— Конечно, люди по-разному начинали слушать песню, но в итоге покоряла русская мелодия.

— Ваши гастроли — это не только география поездок, но и интересные впечатления, встречи...

— Ну конечно же! Разве можно забыть улыбку знаменитого монгольского скотовода, принимавшего нас в своей юрте? Радужию хозяй-

ЗНАКОМЫЕ ИМЕНА

О л ь г а Воронец

важдение какое-то! — передо мной все то же пианино! Очень хорошо это помню. Не помню только, как оказалась за кулисами.

— Кто из наших известных исполнителей оказал влияние на вас?

— Очень любила Лемешева, Макакову, бывала на ее концертах. Меня всегда поражало, что она, сохраняя академизм вокала, вносила в свое исполнение национальный народный колорит. Так могла петь только русская певица, русская женщина. Своим творчеством многому научила меня и Лидия Андреевна Русланова, удивлявшая широтой своего невческого диапазона, этакой, я бы сказала, удачью своего необыкновенного голоса.

Позже меня покорила — и, как я убедилась, навсегда — удивительный талант Клавдии Ивановны Шульженко. Каждая ее песня — это законченный рассказ, музыкальная новелла.

Когда я была девочкой, то даже не мечтала не только подружиться, но быть хотя бы знакомой с Клавдией Ивановной. В 1961 году я познакомилась с ней, и с тех пор эта удивительная женщина бескорыстно дарит мне свою дружбу.

— Сейчас все больше в репертуар эстрадных певцов приходят «песни наших мам», мелодии тридцатых, сороковых годов. Чем вы это объясняете?

— Усталостью. От какофоний, не только не ласкающих слух, но скорее пугающих своей «музыкой», напоминающей камнепад. Да и люди истосковались по чистой мелодии.

— Ольга Борисовна, сейчас многие ваши коллеги стремятся не столько спеть песню, сколько сыграть ее сюжет, создать небольшую музыкально-драматическую новеллу, часто используют речитатив...

— Это не новинка в исполнении. Первым — в опере! — использовал речитатив Шаляпин, за что ему, к слову сказать, не раз доставалось от критиков. На эстраде речитативом блистательно владел Бернес, им до сих пор пользуется Утесов. А Клавдия Ивановна Шульженко? Большие певцы всегда стремились к созданию образа в песне, образа самой песни. Это у нас издавна. И если сейчас многие стремятся к драматизации, то мы просто возвращаемся к тому, что сами же хорошо забыли.

— Застать вас дома, в Москве, почти невозможно — много гастролите...

— Где я только не побывала за годы работы! На Камчатке и Сахалине, на Волге и в Крыму, на Урале и в Сибири... Только за последний год у нефтяников Уфы, шахтеров и металлургов Кемерово, на Магнитке, БАМе, в Хабаровске, Комсомольске-на-Амуре... Ну, кажется, везде побывала. А взгляну на

на не было конца. А как подбадривали меня монгольские друзья, когда я, едва дыша, управляла... верблюдом?

Но есть в моей жизни встреча, при воспоминании о которой я испытываю не передающееся словами чувство. После концерта в Ухте, где среди прочих я спела песню «Русские матери», подошла ко мне старая женщина, вся в черном, и сказала: «Я потеряла на войне сына... Спасибо вам, дорогая, за эту песню. От всех матерей спасибо». И поклонилась земным поклоном.

— Скажите, пожалуйста, а случалось ли, что в поездках вы находили для себя новую песню?

— И не один раз. В Новосибирске, например, композитор Николай Кудрин принес песню «Деревенка моя», которая не только заняла прочное место в моем репертуаре, но и стала очень близкой, дорогой мне.

— Ольга Борисовна, что, по-вашему, является сегодня для исполнителей песен одной из главных проблем?

— И не только для исполнителей. Многие композиторы сетуют на недостаток хороших текстов. Именно песенных. Это должны быть не просто стихи, но небольшие драматические новеллы, чтобы исполнителю можно было создать образ. Грустно и то, что некоторые композиторы не очень-то жалуют эстрадных певцов настоящей песенной мелодией.

— Ваша любимая концертная площадка?

— Цех завода, сельский клуб. Всегда уверена, что в этой аудитории найду настоящее понимание песни, добрый отклик на нее. Но главное — знаю, что песня нужна трудовому человеку. И не только как отдых, но и как стимул хорошего, доброго, настоящего трудового настроения. Люблю слушателей в рабочей одежде.

— И последний вопрос. Не поверю, чтобы в таких частых поездках у вас не случилось курьезов...

— И правильно сделаете, что не поверите. В поездке по Тринидаду нас сопровождал импресарио с Ямайки. После одного из концертов, в котором я пела «Калинку», он подошел ко мне и, извинившись, потрогал мое горло: откуда, мол, идет столько звука, не вставлен ли в горло... долгопоющий автомат?

А в Африке тоже был забавный случай. В моем репертуаре есть песня «Белый снег». Каждый раз переводчик подолгу объяснял зрителям, о чем песня, что такое снег. После одного из концертов благодаривший меня представитель местной общественности сказал на прощание: «Нам всем очень жаль, что вы живете в стране, где бывает так холодно. Примите наше сочувствие...»

Беседу вел Л. ДНЕПРОВСКИЙ.